

УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.19

**ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
СОПРЯЖЕНИЕ ПАРАДИГМ**

© С. Г. Шафиков

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Тел.: +7 (987) 134 49 88.

Email: sagit.shafikov@yandex.ru

Статья посвящена лексической типологии, замедлившей свое развитие в последнее время вследствие застоя в типологической теории и практике. Дальнейшее развитие этой теории и типологии лексических систем невозможно без сопряжения таких, казалось бы, взаимно противоречивых подходов, как комбинаторная семантика и теория прототипов. Видимое противоречие между разными моделями языкового значения вызвано недоразумением, т.к. семантическое описание, с одной стороны, не может осуществляться без определенной декомпозиции объекта исследования на элементы, с другой – должно учитывать не только диалектизм, но и типическое в семантическом описании слова. Не менее важным для развития лексической типологии представляется сопряжение аппарата типологии языков с лингвокультурологией. В статье приводится опыт типологического анализа содержательных структур, выражающих понятие «трапеца» во французском, английском и татарском языках в свете сопряжения разных парадигм. Анализ показывает значительно меньшее количественное и качественное варьирование в таксономии татарского языка в отличие от языков сравнения, что, вероятно, объясняется меньшим интересом традиционного этнокультурного сообщества к данной категории.

Ключевые слова: компонентная модель, парадигма, прототипическая модель, семантика, теория, типология, трапеца, язык.

Как известно, типология языков изучает языки мира в сравнении друг с другом для выявления сходств и различий между ними. При этом главная цель лингвистической типологии заключается в установлении языковых универсалий, т.е. всеобщих черт, присущих языку вообще [11, с. 24], а также так называемых цельных типов, образуемых множеством родственных признаков в языковых структурах [25, с. 50]. Правда, большинство исследователей считают цельносистемную типологию невозможной в силу несоотносимости этих признаков. В связи с этим Б. А. Серебрянников задает ироническим вопросом: «Где связь между составом аффрикат и количеством наклонений?», справедливо полагая, что элементы языковой системы не могут быть связаны закономерной имплицативной связью, поскольку язык создается стихийно [14, с. 19].

Вследствие этого важного обстоятельства все существующие в настоящее время типологии определяются как *частные*, поскольку каждая из них представляет определенный уровень (подуровень) языковой структуры.

Примером такой частной типологии является и *типология лексических систем*, проблема развития которой служит темой обсуждения в данной статье. Ключевой тезис может быть сформулирован так: необходимо использовать синергию разных направлений, методик, концепций для ускорения развития теории и практики типологических исследований, в которых все более замечается застой, эпигонство, деградация.

По степени развития своей методологии типология лексических систем значительно уступает другим частным типологиям, которые занимаются изучением внешней (формальной) и внутренней (содержательной) стороны языка. Здесь остро ощущается «недостаток эмпирических данных» [10, с. 95], особенно в отношении семантики лексических единиц, которая в еще в меньшей степени, чем формальная типология, может позволить себе опираться на индуктивные исследования.

Отставание лексической типологии, особенно семантической стороны ее единиц, отчасти объясняется сложившимся взглядом на лексику, которая якобы труднее поддается типологизации вследствие зависимости ее от внеязыковых явлений, таких как «образ жизни народов, их темперамент, склад мышления, чувствительность, уровень культуры и т.д.» [21, с. 247]. Однако главная причина отказа от включения лексики в типологические исследования видится в многочисленных трудностях, связанных как со сложной и во многом противоречивой природой самого объекта, так и с подходом к его изучению.

Определенным прорывом в вопросе о типологизации лексики можно считать теорию комбинаторной семантики, более известную под названием «теория компонентной структуры значения». У. Вейнрейх предлагает использовать комбинаторную семантику как универсальное средство с целью установления – в пределах некоего эталона – границ межъязыкового варьирования и *степени семантической непрерывности* лексикона [4, с. 219–222]. В поня-

тиях комбинаторной семантики идеальным случаем семантической непрерывности видится такое соотношение между означающим и означаемым, когда для всякой единицы плана выражения находится другая единица с десигнатом, который получается из десигната первой единицы изменением только одной семы. Понятно, что в каждом языке есть зоны большей или меньшей семантической непрерывности; ср. семантическое поле цветообозначений с полем зоонимов, которое отличается меньшей по сравнению с цветовыми наименованиями степенью семантической непрерывности.

Еще одним примером развития структурного подхода к лексической семантике может служить работа Ч. Дж. Филмора, рассматривающего параметры сравнения лексических систем разных языков, такие как *таксономическая глубина* (доля видовых и родовых слов), *степень аналитичности лексикона* (доля немотивированных слов), *модели расширения лексического значения и синонимического варьирования*, *дистрибутивная связанность содержания лексических единиц* (фразеологическая типология) и т.д. [16, с. 66].

Наука не может разрабатывать только один подход, развиваясь в рамках одной научной парадигмы. Для научного успеха важно сопряжение разных методик в рамках решения одной сложной проблемы, даже в рамках одного эмпирического проекта. Интеграция знаний есть естественная необходимость, которая касается не только естественнонаучных, но и гуманитарных дисциплин, таких как языкознание, ведь ученый-гуманитарий, так же как ученый-естественник, опирается на научное мировоззрение, сочетающее теорию и практику, материалистическое и диалектическое, логическое и историческое [15, с. 86].

Научные подходы к объекту исследования могут выявить на первый взгляд антагонистические противоречия, подтверждая диалектический закон «отрицания отрицания». Например, появление в языкознании теории прототипов объясняется неудовлетворенностью ученых результатами компонентного анализа, вызвавшего в свое время множество критических замечаний, однако сейчас теория прототипов сама становится объектом критики с аналогичным же обвинением в субъективизме своих построений. Вероятно, взаимный антагонизм компонентной теории и теории прототипов происходит прежде всего из исходных постулатов, связанных с семантикой лексических номинаций, и здесь без определенной меры субъективизма нельзя обойтись ни в каком постулате.

Компонентная теория как законное детище структурной лингвистики исходит из постулата о структурной членимости содержательной стороны языкового знака. Содержание лексемы (семема) рассматривается как набор критерияльных семантических признаков (сем), составляющих своего рода скелет языкового значения. Считается, что

набор *достаточных и необходимых признаков* полностью объясняют смысл соответствующего наименования. Например, семантика термина родства *ата* «отец» в татарском языке полностью определяется актуализацией всего лишь пяти сем: 1) сема «родитель» (ср. сему «рожденные» в семеме «сын»); 2) сема «мужской пол» (ср. сему «женский пол» в семеме «дочь»); 3) сема «первое поколение родителей» (ср. сему «второе поколение родителей» в семеме «дед» и сему «третье поколение родителей» в семеме «прадед»); 4) сема «прямое родство» (ср. сему «боковое родство» в семеме «дядя»); 5) сема «кровное родство» (ср. сему «родство по браку» в семеме «отчим»). С помощью этой методики можно описать смыслы эквивалентных наименований отца в других языках, таких как русский, французский, английский и т.д., что не исключает межъязыкового различия в репрезентации прочих видов родственных отношений, например в отношениях по линии «эго», в которых тюркские языки выделяют дополнительную сему «старшинство» (ср. в татарском языке *абый* «старший брат» ↔ *эне* «младший брат», *апа* «старшая сестра» ↔ *сеңел* «младшая сестра»). Вышесказанное объясняет, почему комбинаторика семантических признаков служит удобным метаязыком описания эквивалентных семантических полей разных языков.

Тем не менее, поскольку компонентное представление о значении языковой единицы является чрезмерно жестким, эта методика отлично реализуется в отношении лишь той части лексикона, которая называется ортогональной лексикой, в то время как вся лексическая система языка рассматривается как совокупность подсистем, варьлируемых по степени семантической непрерывности в духе У. Вейнрейха.

Теория прототипов исходит из постулата о категории как инвариантной ментальной структуре, которая существует благодаря своим представителям, т.е. объектам категории. Например, категория [птица] включает такие объекты (виды птиц), как воробей, орел, страус, пингвин, малиновка и т.д. Определенная часть этих объектов занимает в категории центральное место в качестве прототипа благодаря практически полному набору атрибутивных признаков, таких как «наличие перьев», «наличие клюва», «умение летать», «умение петь», «форма глаз» (округлая форма), «отсутствие зубов», «происхождение» (потомок древних ящеров) и т.д. Прототипом упомянутой категории можно считать малиновку, которая обладает средним размером, умеет летать, петь и не является хищником; зато такие ее представители, как страус, пингвин, орел составляют периферию вследствие меньшей весомости типических черт, характерных для большинства объектов, и большей весомости менее типических черт.

Таким образом, интенционал категории, в отличие от интенционала концепта (понятия) зиждет-

ся не только на достаточных и необходимых признаках, но также на существенных признаках объекта, «варьируемых по степени приближения к норме (прототипу)» [18, с. 13]. Отсутствие любого из типических признаков не разрушает категорию. Как говорит Х. Патнэм, прототипический лимон должен быть желтым, хотя зеленый лимон это тоже лимон [24, с. 140]; точно так же пальто без пуговиц, которое одевается через голову подобно джемперу, с определенной натяжкой можно включить в категорию [пальто], хотя прототипическое пальто имеет ряд пуговиц спереди; точно так же панда будет включаться в категорию [медведь], хотя по образу жизни, питанию, размерам значительно отличается от других видов.

Чрезмерное удаление объекта категории от своего прототипа выводит его в «буферную зону» (пересечение смежных категорий), либо вводит его в другую категорию. Например, У. Лабов указывает на взаимозависимость признаков высоты и ширины чашки как сосуда для питья при удалении от фокуса, т.е. идеальной чашки, где эта зависимость составляет пропорцию 1:1; поэтому у информантов возникает затруднение при назывании чашки чашкой, если ее высота значительно превышает размер в поперечнике [9]. Для категоризации такого сосуда в качестве чашки важным оказывается не только структурный компонент денотативного значения, но и *условие типичности*, то есть наиболее характерные, хотя и не обязательные признаки денотата.

Сложная сеть подобий между смежными категориями, напоминающая семейные сходства Л. Витгенштейна, вызывают их кластеризацию [3, с. 91–94], размытость, перетекание из одного состояния в другое. Для человеческого мозга привычнее иметь дело с прототипическими объектами, чем с периферией, когда бывает затруднительным нахождение точного места для той или иной вещи. Это верно в отношении любого вида таксономии как в научном, так и в повседневном дискурсе. Поэтому у любой женщины, склонной к рациональному мышлению, может возникнуть вопрос: куда отнести юбку-брюки – к категории [юбка] или к категории [брюки]; аналогичным образом не ясно, как ответить на вопрос: в какую категорию следует поместить платье – в категорию [плечевая одежда] (например платье свободного покроя с закрытыми плечами) или в категорию [поясная одежда] (например платье с облегающим поясом с маленьким топом и открытыми плечами) [13].

Успех теории прототипов (как и успех компонентной теории) ограничивается языковым материалом. Лучше всего эта теория накладывается на лексические объединения, которые Э. Рош и ее коллеги называют естественными (натуральными), хотя правильнее называть их дискретными, поскольку они отражают естественные границы в мире. Для изучения лексических группировок, которые сторонники прототипической семантики назы-

вают семантическими, больше подходит метод комбинаторной семантики. Такие подсистемы носят градуированный характер, их границы устанавливаются в мышлении, поэтому правильнее называть их градуированными категориями.

Несмотря на видимое противоречие между классической моделью концептов и прототипической моделью [23, с. 687], равно как компонентной моделью, антагонизм между ними только декларируется. Мнение о том, что прототипический подход отвергает компонентную семантику, можно считать недоразумением, т.к. семантическое описание не может осуществляться без определенной декомпозиции объекта исследования на элементы. Трудно представить себе какую-либо форму сравнительного анализа, которая не включала бы в себя разбиение объекта сравнения на компоненты и характерные признаки компонентов [22, с. 45]. Вместе с тем, более высокая степень теоретического изучения языков требует «выявления общих принципов, управляющих ментальными процессами» [8, с. 4]

Целесообразным видится использование этих моделей на разных участках языкового континуума. Тем не менее, в теоретическом плане их сопряжение представляется таким же естественным, как цельносистемная типология языков, как взаимодействие теории и практики, как сама диалектика. Поэтому вопрос о том, какая теория в большей степени характеризуется признаком истинности, снимается с повестки как менее важный по сравнению с возможностью творческого использования взаимодополняющих парадигм. Для анализа сложных систем, к которым относится и язык, важно не размежевание подходов, а синергетическое объединение сил (термин *synergia* означает «сотрудничество, сотрудничество, кооперация»), которое позволяет «получить новое знание о смыслообразовании» [5, с. 7].

Когнитивная семантика, в рамках которой развивается теория прототипов, в известной мере подтверждает компонентное строение лексического значения. Существование прототипа допускает два критерия употребления наименования категории – одно для прототипического случая, а другое для пограничного, в силу размытости границ категории [20, с. 116]. Это можно видеть на примерах словарных толкований, в которых наряду с денотативным значением может содержаться указание на обычное, нормальное, типичное состояние или поведение объекта, выражаемое в толковом словаре английского языка с помощью помет типа «особенно», «часто», «обычно» и т.д.; ср., дефиниции лексических единиц, связанные с разными категориями в толковых словарях английского языка (см. список литературы): УМСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ субъекта: *gormless* “stupid, *esp.* in appearance”; *demented* “behaving as if you are crazy, *esp.* of an upsetting experience”; *dote* “be silly or feeble-minded, *esp.* from old age”; *delirious* “talking continuously in an excited or anxious way, *esp.* because you are ill” [19];

ЛЮБОВЬ: *love* “to care very much about someone, *esp.* members of your family or close friends”; *love affair* “a romantic sexual relationship, *esp.* one between people who are not married to each other”; *take a shine to* “to like someone you have just met, *esp.* in a romantic way”; *swain* “a young man, *esp.* a young man who is in love”; *predilection* “a feeling that you like something, *esp.* something unusual”; *charmer* “someone who is good at making people like them, *esp.* in order to gain advantage”; *infatuated* “in love with someone so much that it seems silly, *esp.* because you do not know them”; *lovey-dovey* “very romantic, *esp.* in public and in a way that other people think silly and embarrassing” [17]; БОЛЕЗНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ: *pine away* “to become less active, weaker and often ill, *esp.* because you miss someone who has died or gone away”; *sick something up* “to bring up food from your stomach, *esp.* of children”; *the infirm* “people who are weak or ill for a long time, *esp.* because they are old”; *cirrhosis* “a serious disease of the liver, *often* caused by drinking too much alcohol”; *inflammation* “a condition in which a part of the body is red, swollen and sore, *esp.* because of infection”; *repetitive strain injury* “pains in your hands, arms etc. caused by doing the same hand movements many times, *esp.* by using a computer keyboard or mouse” [12].

Взаимодействие таких важных направлений в языкознании, как лингвистическая типология и лингвокультурология так же важно, как сопряжение рассмотренных выше концепций языкового значения. Ни компонентная теория, ни параметрический подход к типологическому изучению языковых лексиконов отнюдь не отменяет того, о чем говорит О. Духачек и чем сейчас интересуется лингвокультурология, а именно вопросом, связанным с культурным компонентом в семантической структуре лексических единиц языка.

Исследователи зачастую ограничиваются тривиальным рассуждением о своеобразии членения внеязыкового мира каждым языком. Между тем современная «почему-типология», в терминологии А. Е. Кибрика [7], должна не только «обеспечивать возможность осознать межъязыковые различия, задуматься об их истоках», но и искать пути их объяснения» [2, с. 49].

Очевидным объяснением таких различий представляется прямая зависимость между уровнем культуры и развитой категоризацией фрагментов внеязыковой действительности. Категоризация невозможна без распределения фрагментов внеязыкового мира по уровням, что отражается в лексике в виде номенклатурного дробления и регулярного соотношения родовых и видовых номинаций в пределах одного уровня.

Как известно, дьявол скрыт в деталях, поэтому исследование таксономической глубины лексики в расчете на выявление прямой зависимости между культурой и языком срабатывает не всегда. Если в одних случаях различие в глубине таксономии объ-

ясняется культурой, которая преобразует внеязыковое явление в языковые структуры, то в других случаях трудно понять, почему в данном фрагменте реального мира лексика одного языка как бы больше, в отличие от лексики другого языка, обращает внимание на обозначаемое (например в цветообозначениях). Представляется весьма вероятным, что на данном этапе развития языкознания эта проблема не может быть решена в отношении всего лексического массива, поэтому необходимо обращаться к изучению отдельных лексических категорий.

Такой удобной для исследователя типизируемой областью представляется категория [трапеза], которая отражает «возможную универсалию» (в понимании Х.-Я. Зайлера), проявляясь повсеместно и постоянно благодаря важнейшей человеческой потребности в пище. Понятно, что данная категория «окультурена» вековыми обычаями, привычками в питании, способами приготовления еды, словом, многочисленными надстроечными социально-культурными императивами человеческого общежития.

Структурно-компонентное исследование этой лексики проводится на материале языков-репрезентантов эталонного поля, поскольку эталон служит «важной составляющей методологии сравнения языков» [6, с. 9], без которой сравнительная типология не может существовать.

Из корпуса словаря методом сплошной выборки выделяется 13 наименований трапез во французском языке (*breakfast, casse-croûte, collation, déjeuner, petit déjeuner, dîner, dinette, goûter, lunch, médianoche, pique-nique, souper, thé*) [Petit Robert] и 14 наименований трапез в английском языке (*banquet, breakfast, brunch, collation, dinner, elevenses, high tea, lunch, luncheon, picnic, refection, snack, supper, tea*) [Longman]. Часть лексем в каждом из языков сравнения характеризуется тематической полисемией в осложненных семантических структурах вследствие повышенной частотности употребления: *déjeuner, dîner, souper* во французском языке; *dinner, tea* в английском языке.

Из анализа исключаются устаревшие наименования трапез, такие как *réveillon* во французском языке, а также наименования, отражающие пересечение категорий «трапеза», «вечеринка», «пир», «попойка», которые характеризуются такими признаками, как «употребление спиртных напитков» и «большое количество сотрапезников».

Ср. следующий ниже ряд эталонных смыслов и их репрезентаций в языках сравнения; примечание: 1) ФЯ – французский язык, АЯ – английский язык; 2) под звездочкой указаны типические признаки в содержании данного наименования; 3) цифра после наименования означает один из вариантов значения многозначной номинации:

[утренняя трапеза] ФЯ: *déjeuner1, petit déjeuner*; АЯ: *breakfast*

[утренняя трапеза + чай / кофе] АЯ: *elevenses*

[утренняя трапеза + вместо завтрака или обеда] АЯ: *brunch*

[утренняя трапеза + английский стиль] ФЯ: *breakfast*

[дневная трапеза] ФЯ: *déjeuner2, dîner1, goûter*; АЯ: *dinner 1, lunch*; **luncheon* (обычно официальный обед)

[утренняя или дневная трапеза + чай] ФЯ: *thé*; АЯ: *tea1*

[вечерняя трапеза] ФЯ: *dîner2, souper1*; АЯ: *supper*

[вечерняя трапеза + ранний прием пищи] АЯ: *high tea, tea2*

[вечерняя трапеза + интимная атмосфера] ФЯ: *dînette*

[легкая трапеза] ФЯ: *collation, casse-croûte*; АЯ: *refection, *collation* (обычно холодная трапеза), **snack* (обычно между трапезами, вместо основных трапез, или поздний ужин)

[легкая трапеза + английский стиль] ФЯ: **lunch* (обычно при приеме гостей)

[ночная трапеза] ФЯ: *médianoche*

[легкая трапеза + ночная трапеза] ФЯ: *souper2*

[трапеза вне дома] ФЯ: *pique-nique*; АЯ: *picnic*.

Из 14 эталонных комбинаций только 6 полностью совпадают в языках-репрезентантах; все прочие смыслы имеют межъязыковые различия, связанные с проявлением культурного своеобразия в приемах пищи у разных народов; всего же актуализируется 12 сем.

Межъязыковое различие между языками сравнения проявляется в семантических лакунах, вызванных отсутствием эквивалентных номинаций. Ср. безэквивалентные лексемы в английском языке: *elevenses* «легкий завтрак поздним утром», *high tea (meat tea)* «вечерний чай с плотной закуской», *collation* «поздний холодный (обычно легкий) ужин»; во французском языке к безэквивалентным единицам можно отнести следующие: *petit déjeuner* «первый ранний завтрак», *déjeuner a la fourchette* «плотный завтрак с мясным блюдом», *déjeuner dînatoire* «плотный второй завтрак, заменяющий обед».

Еще большее число межъязыковых различий наблюдается при сравнении языков западных культур с татарским языком, в котором языковое варьирование сводится к двум основным семам: 1) время приема пищи («утренняя трапеза», «дневная трапеза» «вечерняя трапеза») и 2) степень питательности («легкая трапеза»); ср. наименования *иртәңге аш* «утренняя трапеза», *көндөз (төшкө) аш (эбэт)* «дневная трапеза», *кичке аш (эбэт)* «вечерняя трапеза»; *йәрәж (тамак) ялгау* «легкая трапеза».

Таким образом, наблюдается значительно меньшее количественное и качественное варьирование в таксономии татарского языка по сравнению с другими языками, вероятно, вследствие меньшего

интереса традиционного этнокультурного сообщества к данной категории, по крайней мере, если судить по данным словарей. Категория [трапеза] для среднего носителя татарского языка является менее окультуренной, сближаясь с категорией [еда]; ср. родовое наименование *аш*, которое буквально означает «еда», мотивируя виды трапезы по времени приема пищи: «завтрак» лексикализуется как «утренняя еда», «обед» – как «дневная еда», «ужин» – как «вечерняя еда».

Преимущественно функциональный характер объектов данной категории проявляется на уровне речи в том, что говорящий зачастую предпочитает использовать вместо существительного глагол, значение которого может уточняться наречием; ср. *иртән ашадым* дословно «я утром ел» (вместо *иртәңге аш ашадым* дословно «я завтрак ел»); *төш ашадым* «я днем ел» (вместо *төшкө-аш ашадым* дословно «я обед ел»).

Резюмируя, можно заключить, что сопряжение разных подходов к типологическому изучению лексических систем разных языков позволяет выявить, по справедливому замечанию В. И. Абаева, разные типы организации лексикона в зависимости от сферы обитания, хозяйственной деятельности, социального строя, особенностей народной психологии [1, с. 36].

Справочная литература

1. Ганиев Ф. А. Татарско-русский словарь. Казань: Татарское книжное изд-во, 1988. 431 с.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 1995. XXII. 1668. 18 p.
3. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford university press, 1974. XXVII. 1055 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания, 1986. №1. С. 27–39.
2. Анохина С. П., Кострова О. А. Сравнительная типология родного и изучаемого языков в свете гуманизации образования // Гуманизация образования, 2013. №4. С. 49–55.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. 123 с.
4. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике, 1970. Вып. 5. С. 163–249.
5. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского ун-та, 2007. №302. С. 7–9.
6. Зеленина Т. И., Малых Л. М., Буторина Н. В., Кочурова Ю. Н., Федорова И. А. Сравнение лексики европейских языков в диахронии и синхронии. Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 2014. 244 с.
7. Кибрик А. Е. Типология таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // Вопросы языкознания, 1989. №1. С. 5–15.
8. Кожаева О. С. Сравнительно-исторические исследования на современном этапе развития лингвистики // Вестник ЮУрГУ, 2008. №16. Вып. 7. С. 3–6.
9. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике, 1983. Вып. 14: С. 133–176.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта, 2001. 312 с.
11. Нелюбин Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта, 2012. 152 с.

12. Павлова А. В. Предикаты болезненного состояния в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 21 с.
13. Саттарова Р. М. Семантика наименований верхней женской одежды в английском языке в сопоставлении с немецким: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 25 с.
14. Серебренников Б. А. Правомерно ли имплицативные связи между элементами языка рассматривать как показатель его типа и системности? // Историческая лингвистика и типология, 1991. С. 16–20.
15. Третьякова И. Н. С Сопряжение как один из принципов интеграции естественнонаучных знаний // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та, 2019. №2. С. 86–93.
16. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике, 1983. Вып. 14. С. 23–66.
17. Шамратова А. Р. Семантика эмотивов любви в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 22 с.
18. Шафиков С. Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания, 2007. №2. С. 3–17.
19. Цепунова О. А. Предикаты умственного состояния в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 21 с.
20. Biggs C. In a Word, Meaning // Linguistic Controversies: Essays in Linguistic Theory and Practice in Honour of F.R. Palmer, 1982. Pp. 108–121.
21. Ducháček O. Quelques observations sur les structures sémantiques // Folia Linguistica, 1975. Vol 7. No. 3/4. Pp. 245–252.
22. Geeraerts D. Cognitive Semantics and the History of Philosophical Epistemology // Conceptualizations and Mental Processing in Language, 1993. Pp. 53–79.
23. Hampton J. Testing the Prototype, Theory of Concepts // Journal of Memory and Language, 1995. Vol. 34. No. 5. Pp. 686–708.
24. Putnam H. Mind, Language and Reality // Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge University Press, 1975. 457 p.
25. Sgall P. Prague school typology // Approaches to Language Typology, 1995. Pp. 49–84.

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

TYPOLOGICAL RESEARCH IN LEXICAL SYSTEMS: UNITING PARADIGMS

© S. G. Shafikov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (987) 134 49 88.
Email: sagit.shafikov@yandex.ru*

The article is devoted to linguistic typology that has been slowing down and degrading lately due to stagnation in typological theory and practice. This is to be accounted for by the traditional view of the lexicon as problematic for topologic research due to its total dependence on extralinguistic factors. Yet, the major cause lies in a variety of problems related to the complicated and contradictory character of the lexical material and method of research. A headway of this theory and lexical typology is improbable without joint effort of approaches seemingly contradictory to one another, such as componential theory of meaning and the theory of prototypes. The apparent contradiction between different models of language meaning is due to misunderstanding, because semantic description, on the one hand, cannot do without decomposing an object of inquiry into elements, and, on the other hand, it must take into account not only diagnostic, but also typical components of meaning. No less important for developing linguistic typology is opening the toolbox of linguistic typology for the approach that deals with linguistic studies across cultures. The article includes a typological case study of semantic structures related to the notion “meal” in French, English and Tatar in the light of mating the above-said conceptions. Cross-linguistic difference between English and French shows in semantic lacunae caused by some lack of equivalent lexical terms. However, there is much greater difference between French and English, on the one hand, and Tatar, on the other hand. This is likely due to a cultural factor that reveals a weaker interest in this category on the part of the traditional Tatar ethnic community.

Keywords: componential model, language, meal, paradigm, prototypical model, semantics, theory, typology.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Abaev V. I. *Voprosy yazykoznaniya*, 1986. No. 1. Pp. 27–39.
2. Anokhina S. P., Kostrova O. A. *Gumanizatsiya obrazovaniya*, 2013. No. 4. Pp. 49–55.
3. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika [Cognitive semantics]*. Tambov: izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2000.
4. Veinreich U. *Novoe v lingvistike*, 1970. No. 5. Pp. 163–249.
5. Gural' S. K. *Vestnik Tomskogo un-ta*, 2007. No. 302. Pp. 7–9.
6. Zelenina T. I., Malykh L. M., Butorina N. V., Kochurova Yu. N., Fedorova I. A. *Sravnienie leksiki evropeiskikh yazykov v diakhronii i sinkhronii [Comparison of vocabulary of European languages in diachrony and synchronicity]*. Izhevsk: izd-vo Udmurt-skogo un-ta, 2014.
7. Kibrik A. E. *Voprosy yazykoznaniya*, 1989. No. 1. Pp. 5–15.
8. Kozhaeva O. S. *Vestnik YuUrGU*, 2008. No. 16. No. 7. Pp. 3–6.
9. Labov U. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1983. No. 14: Pp. 133–176.
10. Mechkovskaya N. B. *Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov [General linguistics. Structural and social typology of languages]*. Moscow: Flinta, 2001.
11. Nelyubin L. L. *Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian languages]*. Moscow: Flinta, 2012.
12. Pavlova A. V. *Predikaty bolezennogo sostoyaniya v angliiskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Ufa, 2009.
13. Sattarova R. M. *Semantika naimenovaniy verkhnei zhenskoi odezhdy v angliiskom yazyke v sopostavlenii s nemetskim: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Ufa, 2004.
14. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya lingvistika i tipologiya*, 1991. Pp. 16–20.
15. Tret'yakova I. N. *Vestnik Chelyabinskogo gos. ped. un-ta*, 2019. No. 2. Pp. 86–93.
16. Fillmor Ch. Dzh. *Ob organizatsii semanticheskoi informatsii v slovare. Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1983. No. 14. Pp. 23–66.
17. Shamratova A. R. *Semantika emotivov lyubvi v angliiskom i frantsuzskom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Ufa, 2006.

18. Shafikov S. G. Voprosy yazykozvaniya, 2007. No. 2. Pp. 3–17.
19. Tsepunova O. A. Predikaty umstvennogo sostoyaniya v angliiskom i frantsuzskom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2007.
20. Biggs C. Linguistic Controversies: Essays in Linguistic Theory and Practice in Honour of F.R. Palmer, 1982. Pp. 108–121.
21. Ducháček O. Folia Linguistica, 1975. Vol 7. No. 3/4. Pp. 245–252.
22. Geeraerts D. Conceptualizations and Mental Processing in Language, 1993. Pp. 53–79.
23. Hampton J. Journal of Memory and Language, 1995. Vol. 34. No. 5. Pp. 686–708.
24. Putnam H. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge University Press, 1975.
25. Sgall P. Approaches to Language Typology, 1995. Pp. 49–84.

Received 22.06.2020.